

Прозвищные антропонимы русско-эстонской деревни

Деревня Вяльги (Välgí), на 20 километров удаленная вглубь материка от заселенного русским старожильческим населением западного побережья Чудского озера, представляет собой место достаточно древнего поселения русских. Деревня была основана в XIII в. водско-русскими переселенцами из областей, находящихся восточнее Чудского озера.

Вяльги издавна являлась смешанной по этническому составу деревней. В XIX–XX вв. церковь (построена в 1859 г.) и кладбище были православными, а представители эстонского населения деревни посещали церковь и хоронили умерших в других приходах¹ (лютеранские церковь и кладбище в д. Маарья, католические — в Алатскиви). Первая деревенская школа также была основана в 1859 г. и изначально являлась русской православной школой; в XX в. школа перешла на эстонский язык обучения (по-видимому, во времена первой Эстонской Республики) и просуществовала до 1974 г., когда была закрыта из-за малого числа учащихся.

В последние десятилетия XX в. население деревни стремительно сокращалось и в настоящее время составляет лишь несколько десятков жителей (согласно одной из последних переписей населения — 41 человек), большая часть которых является эстонцами или ассимилировавшимися русскими (для сравнения: в 1922 г. в деревне насчитывалось около 400 русских православных жителей).

Не имеется свидетельств о том, чтобы в деревне проживали старообрядцы (являющиеся преобладающим населением Западного Причудья, заселенного позднее). Связи с Западным Причудьем носили в основном экономический и (в меньшей степени) социальный (родственный) характер.

Сейчас почти невозможно сделать запись русской речи у жителей деревни (осталось два-три человека, для которых русский язык

---

¹ Во время Второй мировой войны из-за сложностей с переправкой покойников на удаленные кладбища эстонцы также стали хоронить своих умерших на кладбище д. Вяльги.

является родным и которые могут / согласны на нем говорить), но очевидно, что говор их похож на говоры жителей причудских деревень, относящихся к северо-западным акающим (псковским) говорам, хотя имеются и отличия. В числе прочего в говоре д. Вяльги более заметно влияние эстонского языка. Это объясняется как иным типом контактов с местным эстонским населением (плотные, не ограничивающиеся экономическими связями повседневные контакты внутри одного локуса), так и тем, что новообрядческое население деревни, в отличие от старообрядцев — жителей Причудья, не было столь закрытым в этноконфессиональном плане.

Немаловажное отличие д. Вяльги от прибрежных старообрядческих деревень заключается и в способе застройки: если причудские деревни имеют уличный тип застройки, то деревне Вяльги, как большинству эстонских деревень, присущ разбросанный тип расселения.

Жители деревни помнят, что уже в то время, когда соотношение эстонского и русского населения было примерно равным, почти все русские жители владели эстонским языком, хотя и в разной степени, эстонцы же по-русски почти не говорили: *«Все эстонцы были глубокие, они русский не знали. Русские знали эстонский язык, но по-разному. Одна тётка — в сторону Васькиных гор жила — пришли эстонцы от неё спрашивать, где peremees. Она: “Péremes пошёл лякс на су́лалу́хту косить нийтма”»*².

Эта языковая ситуация также отличается от ситуации в Западном Причудье: там владение эстонским языком среди русского населения отнюдь не повсеместно и напрямую связано с биографией конкретного носителя говора (эстонским языком в основном владеют те представители коренного русского населения, которые в детстве или юности батрачили на эстонских хуторах — «ходили в поле»).

Прозвищный антропонимикон деревни Вяльги отражает ее языковую историю. Несмотря на практически полное исчезновение русского населения, прозвища «с русским фоном» сохранились в памяти жителей и могут использоваться и сегодня. Все эти прозвища выполняют функцию социальной идентификации, оценочных единиц зафиксировать не удалось. Поскольку в деревне проживало большое

---

² *Peremees* ‘хозяин’, *läks* ‘пошел’, *sulaluht* ‘заливной луг’, *niitma* ‘косить’.

число однофамильцев, прозвища становились родовыми именами. Если говорить о типах номинаций, то в качестве мотивирующего признака выбирались: 1) географический / природный объект, находящийся неподалеку от хутора; 2) топоним, называющий часть деревни, где располагался хутор; 3) имя хозяина хутора; 4) род деятельности.

Ниже приведены примеры, где после онима в угловых скобках указана этническая принадлежность семьи или лица — носителя прозвища.

Аллику <рус.> ← эст. *alliku* ‘ручья (род. п.), ручейный’. «Решетá делали Нинины родители — их называли *Аллику*, потому что у дома ручей был. Её тоже Нина *Аллику* <называли>, фамилию не помню. Юнкины?»

Кóплевы <эст.> ← эст. *koppel* ‘загон, выгон’. «*Кóплевы* — *koppel* для выгона скота, у них за домом был *koppel* огорожен кольями. Их в самом деле фамилия Либлик. Жену называли Либлику Алма, не называли “Копли Алма”».

Лéпиковы <эст.> ← эст. *lepp* ‘ольха’. «*Лéпиковы* — ольха, хотя вроде ольхи не было. Это Ансипа <фамилия> родственники, Ансипа бабушка. Жили от нас к югу, если идти в сторону Вяльги. Хозяин *Лепиков Каарел*. Он испугался войну и повесился в лесу. После того как бомбили деревню и две бомбы у них перед баней упали. В дом не попали».

Вяльгельский Гришка <рус.>. «Аннушкин отец был Гришка, Григорий. *Вяльгельский Гришка*. Но в самом деле все были Сомелары <по фамилии>».

Вяльгельский Мишка <рус.>. «У меня на парте рядом сидела *Вяльгельского Мишки* Тамара».

Tootsid <эст.> = множ. от *Toots*. «В Алайыэ *Tootsid*, *Tootsi küla* — фамилия была *Ets*, *Etsid*. По имени отца, может быть? *Toomси* Паула — моя ровесница, дочка семьи из Тоотси».

Дорофеевы / *Taaruška* [тáрушка] <рус.>. «Русские называли *Дорофеевы*, а эстонцы *Taaruška*. Хутор назывался *Terpani talu*» (официальная фамилия — Персидские. — О. П.).

Илйошкины <рус.>. «*Илйошкины* — это Сомелары <по фамилии>, Илья был хозяин».

Исáковы <рус.>. «Все эстонцы кругом нас, только с севера были русские — *Исáковы* — по хозяину. Юнкины их фамилия. Это Парасковья была *Исáкова*».

Лудвиговы <эст.>. «*Лудвиговы* — Ludvig хозяин».

Питровы <эст.>. «Кругом нас были *Питровы*, Peeter хозяин был».

Пушеновы <рус.> ← эст. *puusepp* ‘плотник’. «Свои *puusepad*, столяры. Их так и звали *puusepad* — всё, что с дерева. Их зовут до сих пор *Пушеновы*. Фамилия Сомелар, они были русские».

Прозвищные антропонимы могли дублироваться, иметь русский и эстонский варианты, сохраняя при этом общий мотивировочный признак: *Заручёвный* <рус.> / *Ülejõe* эст. ‘заречный’ — «У меня на парте рядом сидела Вяльгельского Мишки Тамара. Бабушка спросила: “Какого Мишки?”» Их два было, обе (оба. — О. П.) Сомелары были. Другой Мишка был *Заручёвный*. Эстонцы называли их *Ülejõe*.

Таким образом, особенности истории, географического положения и этноконфессионального состава русско-эстонской деревни Вяльги компактно «дожили» до нашего времени в комплексе прозвищных антропонимов, среди которых нет (не сохранилось?) оценочных единиц. Точность идентификации именуемого лица / семьи в деревне с разбросанно-хуторским типом расселения достигается за счет указания на конкретный локус: образуются номинации по географическим / природным объектам или топонимам. Второй тип номинаций — по имени хозяина хутора — в действительности также используется как указание на локус проживания семьи (хутор по имени хозяина, а семья — по имени хутора). Лишь один тип сохранившихся прозвищных антропонимов использует иной мотивировочный признак — номинация по роду деятельности.

А. А. Парфенова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург
parfenova.sashulya@mail.ru

Синий понедельник — пьяный или ленивый?

В докладе рассматривается семантика выражения *синий понедельник* в некоторых славянских языках и предпринимается попытка его этимологизации.